

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ И ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ АНОНИМНОГО ЖИТИЯ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Житие Иосифа Волоцкого, составленное «неизвестным», несмотря на более чем полуторастолетнюю традицию изучения, до сих пор остается недостаточно исследованным, причем в известной степени это касается и вопроса об авторе, и времени создания, и характера известий в составе Жития.

В предисловии к первой публикации памятника (1865 г.) К. И. Невоструев заметил об авторе, что тот был «человек, хорошо знавший не только деяния, и подвиги, и внешние отношения преподобного, но и дух, и сокровенные его беседы». При этом «язык автора довольно темен и труден», что, по мнению публикатора, «происходило от начитанности нашей древней духовной, большею частью переводной, литературы»¹. К. И. Невоструев внимательно отнесся к судьбе рукописи, положенной им в основу публикации: он показал, что создавалась она отнюдь не в Иосифом монастыре, а поступила туда в 1566 г. среди прочих книг князя Д. И. Оболенского-Немого². Позже, в XVIII в., рукопись была разделена на две части, содержащие анонимное Житие и пространную редакцию Устава Иосифа Волоцкого соответственно³.

В. О. Ключевский относительно анонимного Жития Иосифа заметил, что «очень трудно разъяснить личность любопытного неизвестного биографа», который «нигде не делает и намека, что был учеником Иосифа, даже знал его лично, называет его просто черноризцем и дает понять, что писал не в его монастыре». К тому же «чтение этого жития затрудняется изысканной вычурностью изложения, которою оно заметно отличается от других житий XVI в. и какую находим только у одного писателя того времени, у Зиновия Отенского» [Ключевский, с. 293].

В 1903 г. выходит новая публикация текста памятника, подготовленная С. А. Белокуровым по рукописи XVI в. из собрания П. А. Овчинникова, ныне — РГБ. Ф. 209. Собр. П. А. Овчинникова. № 289. В предисловии к публикации исследователь сравнил разночтения этого списка с публикацией Жития К. И. Невоструевым и пришел к выводу, что различия между текстами «позволяют считать настоящий список П. А. Овчинникова новой редакцией жития, составленного “неизвестным”, а не новым только его списком». Также С. А. Белокуров подробно рассмотрел состав рукописи, содержащей публикуемый им текст

¹ Рассказывая об удельном князе Борисе Васильевиче, агиограф сообщает, что «Волок Ламский митрополь наменися ему и в нем седа владычествоваше». Вслед за этой фразой в текст было внесено замечание какого-то читателя: «Единая Москва митрополия, а Волок не епископия не бывала». Впоследствии это замечание было зачеркнуто и дано разъяснение слова «митрополь»: «сиречь столный его град» (см.: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным / Подгот. К. И. Невоструев // Чтения в обществе любителей духовного просвещения (далее — ЧОЛДП). 1865. Кн. 2. С. 94. Примеч. 124).

² Известие о поступлении книг Д. И. Оболенского-Немого сохранились в виде приписки к описи монастырской библиотеки 1545 г., подлинник которой был утрачен и известен только по публикации В. Т. Георгиевского, переизданной Р. П. Дмитриевой: «Лета 7074. Прибыли книги княже Дмитриевы Ивановича Оболенскаго... (не разборчиво): Правила в десть без заставиц... Книга в полдествь, в начале Житие преподобнаго Иосифа; да духовная его (Иосифа) тутю ж» (см.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 40). К. И. Невоструев приводит более исправное чтение записи: «В лето 7074 прибыли (т. е. вновь поступили) книги княже Дмитриевы Ивановича Оболенскаго-Немова с Локныша», среди которых «книга в полдествь, в начале житие преподобнаго Иосифа, да духовная ево тутюж» (см.: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОЛДП. Кн. 2. С. II). Благодаря разысканиям В. Б. Кобриня известно, что князь Д. И. Телепнев-Немой из дома Оболенских в 1562/1563 г. пожаловал Иосифо-Волоколамскому монастырю в Рузском уезде село Локныш с деревнями. После опалы и пострижения князя в 1565 г. эти земли были отобраны царем, однако уже в 1566 г. вновь переданы монастырю [Кобрин, с. 108–109].

³ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОЛДП. Кн. 2. С. I–IV. Рукопись, содержащая Устав, дошла до наших дней — ГИМ. Епархиальное собр. № 341. Описание: Книжные центры Древней Руси. С. 354–355. Рукопись с Житием, хранившаяся в Волоцком монастыре, по-видимому, была утрачена в 1940-х годах [Плигузов, с. 342].

анонимного Жития, и повторил догадку В. О. Ключевского о Зиновии Отенском как возможном его авторе⁴.

С. В. Иванову удалось обнаружить в рукописях XVII—XVIII в. отрывки анонимного Жития Иосифа Волоцкого, надписанные: «От слова Филогона о преподобнем Иосифе Волоцтем»; это позволило исследователю высказать предположение, что автором Иосифова Жития был сербский агиограф XVI в. Аникита Лев Филолог, с именем которого также связано создание похвальных слов Зосиме и Савватию Соловецким [Иванов, с. 177—179]. Немногочисленные известия о черноризце Филологе были рассмотрены еще в 1859 г. Н. И. Субботиным, который высказал относительно агиографа несколько интересных соображений, основанных, главным образом, на разысканном им послании Аникиты Льва монаху Богдану Русину. Н. И. Субботин установил, что монах Богдан был послан либо в Сербию, либо в Хиландарский монастырь на Афон «с поручением от братии Соловецкого монастыря — найти ученого инока, который мог бы описать в похвальном слове жизнь и чудеса основателей монастыря их, и с просьбою об исполнении такого поручения обратился именно к Филологу». Последний исполнил прошение и, получив от Богдана «нужные сведения о Зосиме и Савватии, о которых не знал до того времени, приступил к составлению похвальных слов», а «окончив слова, он вручил их Богдану, который и отправился с ними обратно в Соловецкий монастырь». Обращение с такого рода прошением именно к Аниките Льву Филологу исследователь считал отнюдь не случайным: он предположил, что агиограф на тот момент был уже известен «как сочинитель похвального слова Черниговским мученикам», князю Михаилу и боярину его Феодору. «Не жили Филолог, — задается вопросом Н. И. Субботин, — как и другие сербы, несколько времени в России, когда и составил слово о Михаиле и Феодоре?» Исследователь обратил также внимание на тот факт, что «слова на память соловецких чудотворцев встречаются в некоторых рукописях без имени сочинителя, а в других даже приписываются другому писателю, — именно черноризцу Зиновию... иноку Отенского монастыря»⁵. Наконец, основываясь на указаниях из Похвального слова Зосиме Соловецкому, Н. И. Субботин отнес создание памятников к 1534—1542 г., подчеркивая, что в это время, судя по посланию к Богдану, «Филолог находился уже в преклонных летах: он называет себя обветшавшим и состарившимся» [Субботин, с. 538].

На разыскания Н. И. Субботина в значительной степени опирался и С. В. Иванов; кроме того, он утверждал, что Житие Иосифа было создано «между годом смерти Дионисия Звенигородского (1539 г.) и годом поступления ркп. в библиотеку Иосифова монастыря от князя Д. И. Оболенского (1560 г.)». При этом он заметил, что, поскольку сам Аникита Лев называл себя в послании к Богдану слабым и состарившимся, «можно лишь предположить, что об Иосифе Филолог писал раньше, чем обратились к нему с просьбой соловецкие иноки» [Иванов, с. 182]. Датировки С. В. Иванова, впрочем, представляются неубедительными: во-первых,

⁴ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным / С предисловием С.А. Белокурова // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Отд. II. С. III—XII.

⁵ Мнение о Зиновии Отенском как авторе похвальных слов Зосиме и Савватию Соловецким, равно как и Слова Михаилу и Феодору Черниговским, в новейшей историографии обосновывается С.В. Минеевой. Исследовательница рассматривает фигуру Аникиты Льва Филолога как мистификацию соловецких монахов, которые, с одной стороны, ориентировались на авторитет Пахомия Логофета — именно поэтому вымышленному иноку Аниките Льву Филологу было приписано сербское происхождение. С другой стороны, такого рода мистификация была вызвана, по мнению исследовательницы, стремлением скрыть имя реального автора, которым мог быть якобы осужденный в 1526 г. вместе с Максимом Греком инок Зиновий, сосланный затем в Отенский монастырь [Минеева, с. 170—177, 201—207]. Л.Е. Морозова, впрочем, отметила, что списки похвальных слов Зосиме и Савватию с именем Зиновия Отенского «встречаются в сборниках XVII и XVIII веков», в то время как большинство списков, надписанных именем Филолога, датируются XVI в. Авторитет ранних списков Л. Е. Морозова полагает заслуживающим большего доверия и относится к возможности авторства Зиновия Отенского скептически [Морозова, с. 234 и след.]. Поэтому аргументы и построения С. В. Минеевой, несмотря на их оригинальность и некоторые небезытересные наблюдения, едва ли можно считать исчерпывающими. К тому же они не лишены противоречий, на которые укажем ниже.

как было показано выше, рукопись с анонимным Житием поступила в Волоцкий монастырь не в 1560, а в 1566 г., а во-вторых, сведения о Дионисии Звенигородском явно заимствованы С. В. Ивановым у В. О. Ключевского. Последний же полагал, что Житие было «составлено не раньше 1540-х гг.», поскольку в тексте автор «выражается об иноке Дионисии Звенигородском как об умершем», в то время как в одном из волоколамских сборников «сохранилась приписка с известием, что этот инок умер в 1539 г.» [Ключевский, с. 292]. Такого рода запись известна⁶, однако, судя по тексту Жития, едва ли можно утверждать, что агиограф отзывался о Дионисии как об умершем⁷.

Возвращаясь к исследованиям С. В. Иванова, отметим его наблюдения над содержанием сборника из собрания П. А. Овчинникова, текст Жития из которого был опубликован С. А. Белокуровым. Исследователь особо выделил наряду с анонимным Житием Иосифа Волоцкого факт включения в сборник похвальных слов Зосиме и Савватию Соловецким, Слова на память князю Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору и сделал вывод, что составитель сборника, вероятно, «имел ввиду переписать творения Льва Филолога», но «отвлекался от своего первоначального оригинала и вписывал в сборник не принадлежащие Филологу статьи», из-за чего и возникла путаница с атрибуцией Жития Иосифа, которое оказалось отделено от основного массива произведений сербского агиографа сочинением об архиепископе Ионе Новгородском. При этом Житие Иосифа было надписано: «Того же о отци Иосифе», что «указывало уже не на Филолога, а на автора предыдущей статьи» о святителе Ионе Новгородском и в конечном итоге запутывало вопрос об авторстве сербского агиографа в отношении Иосифова Жития [Иванов, с. 188–190].

Аргументы, приведенные С. В. Ивановым в пользу атрибуции сербскому агиографу Жития Иосифа, были дополнены А. И. Плигузовым, обнаружившим еще несколько рукописей с отрывками из этого памятника, автором которых был назван черноризец Филолог. Исследователь привел новые доводы в пользу деления списков Жития на две редакции, из которых, как он полагал, список Овчин. 289 «сохранил первоначальный вид анонимного жития Иосифа». Кроме того, А. И. Плигузов предложил собственную датировку памятника, на которую, по его мнению, указывал один из сюжетов в составе Жития. «В 1 редакции жития Иосифа, — утверждал исследователь, — сказано об открытии мощей Ионы Головы Пушечникова через 7 лет после смерти старца..., а во второй редакции — о вторичном обретении мощей Ионы спустя 14 лет после первого... Иона Голова умер прежде июля 1545 г., когда волоколамский монах Зосима и книгохранитель Паисий составляли опись Волоколамского монастыря. Следовательно, первое открытие мощей состоялось прежде июля 1552 г., а второе — прежде июля 1566 г.». При этом, по мнению А. И. Плигузова, анонимное Житие не могло быть составлено ранее минейного Жития Иосифа Волоцкого, написанного Саввой Черным после сентября 1545 г. «В таком случае, — заключает А. И. Плигузов, — 1 редакция жития Иосифа была составлена в 1545–1552 гг., 2 редакция — в 1559–1566 г.» [Плигузов, с. 342–347]. Построения исследователя, при всей их логичности, ошибочны, ибо основаны на неверном прочтении известий Жития. На самом деле мощи, на отрывок об обретении которых А. И. Плигузов опирается в своих построениях, принадлежали не Ионе Голове, а его ученику Епифанию, который «ничтоже ведый, точию

⁶ «Преставись старец Дионисей Звенигородцкой лета 7047 на память преподобнаго отца Спиридона ...» (РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 577. Л. 298).

⁷ «И инога постыающаяся у отца в монастыри Дионисиа, иже от Звениградских князей, глаголют трудолюбна зело: в хлеботорници бо двою братов работу един страдаше, к сим же 77 псалмов пояше и полтретии тысящи метаний на каждо день творяше. Възлюбив же уединение, и спрости отца отпущен быти к отцу Нилу, иже снаше тогда, яко светило, в пустыни на Беле езере» (см.: Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. С. 30; ср.: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОЛДП. Кн. 2. С. 126–127). Очевидно, что сделать на основании этих известий выводы, предложенные В. О. Ключевским, проблематично.

наставника своего Иону». Этот Епифаний, «шестолетное время старцу поработав, разболеся болезнию, в ней же скончася», причем, по словам агиографа, «умирающу ему глаголати к Иосифу ту сядящу — видети Богородичину икону пред очима своими, и не бояться ему приглашающу». Сам Иосиф Волоцкий, таким образом, присутствовал при кончине молодого монаха. «Сего же прилучися, — сообщает далее составитель Жития, — по седми летех от земли възгрести, не разсыпаны мощи его обретоша»⁸; «и паки по четыренадесяти лет такожде обретоша мощи его целы»⁹. Датировку Жития А. И. Плигузовым, таким образом, нельзя признать скольконибудь основательной.

Р. П. Дмитриева отнеслась к атрибуции анонимного Жития Иосифа Волоцкого Аниките Льву Филологу сугубо критически. Она обратила внимание, что Слово князю Михаилу и боярину Феодору «не только включает конкретные детали из Сказания о князьях владимирских, но и его композиционное построение оказалось тесно связанным с официальной политической концепцией», которая актуализировалась «в политической практике великокняжеской властью не позднее 20-х гг. XVI в.». Это позволило ей предположить, что Филолог «примерно в 10—20-х гг. действительно находился в России и был связан с кругом лиц, заинтересованных в распространении идей, изложенных в Сказании о князьях владимирских». Вероятно, «Лев Филолог работал на Руси в писательской среде, окружавшей Максима Грека и Вассиана Патрикеева» и отнюдь «не был связан с иосифлянами»¹⁰. Этот вывод, по-видимому, повлиял на отношение Р. П. Дмитриевой к проблеме атрибуции анонимного Иосифова Жития. Помимо прочего, «датировка Жития Иосифа Волоцкого, “написанного неизвестным”, заставляет усомниться в том, что автором его мог быть Лев Филолог. Житие было написано примерно в сер. XVI в., а Лев Филолог уже в 30-ые гг. был в преклонном возрасте и проживал вне пределов России» [Дмитриева, с. 65—67].

Литературная деятельность Аникиты Льва Филолога в контексте русско-сербских связей первой половины XVI в. стала предметом разысканий А. А. Турилова. Исследователь аргументировал точку зрения, что «Филолог после пребывания на Руси вернулся на Афон», поскольку в послании Богдану Русину указывал, что ему довелось преодолеть “великую пучину расстояния” при возвращении к месту своего обитания, «т.е. плыть морем, тогда как в континентальную Сербию вели из Руси сухопутные дороги». Интересно также выдвинутое исследователем предположение, что «его отъезд на Балканы был вынужденным и вызван опасениями за собственную судьбу в связи с судебными процессами над Максимом Греком (1525, 1530) либо нежеланием участвовать в них». Тем не менее творчество сербского агиографа было высоко ценимо на Руси, главным образом благодаря составленному им Похвальному слову мученикам князю Михаилу и боярину его Феодору. Литературные достоинства сочинений Филолога стали причиной, по которой вынужден был отправиться на Афон монах Богдан. Вместе с тем А. А. Турилов рассматривает вопрос об авторстве сербского агиографа в отношении анонимного Жития Иосифа Волоцкого как дискуссионный и отмечает, что Иосифово Житие «в этом случае должно являться последним по времени сочинением Аникиты Льва Филолога» [Турилов, с. 107—108].

Все вышеизложенное позволяет сделать заключение, что, несмотря на исследовательский интерес к проблеме, выводы, предложенные обращающимися к данному вопросу учеными, едва

⁸ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. С. 30.

⁹ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОЛДП. Кн. 2. С. 127.

¹⁰ По мнению Р. П. Дмитриевой, «судя по биографическим сведениям о Зосиме и Савватии, приводимым Львом Филологом, в его распоряжении был текст Жития... в новой редакции, которая обычно сопровождалась предисловием, приписываемым Максиму Греку» [Дмитриева, с. 66—67]. Мнение это было оспорено С. В. Минеевой, показавшей, что источником похвальных слов была совершенно иная редакция Жития Зосимы и Савватия Соловецких [Минеева, с. 177—181].

ли можно назвать исчерпывающими. В меньшей степени это касается вопроса об авторстве анонимного Жития Иосифа Волоцкого, в большей — датировки памятника. Отсутствие непосредственных указаний на то и другое в тексте так или иначе вынуждает прибегать к рассмотрению косвенных свидетельств.

В первую очередь это касается проблемы авторства. Как было показано выше, доводы в пользу авторства Аникиты Льва Филолога, хоть и небыстречны, но все же более основательны, не в последнюю очередь благодаря разысканиям С. В. Иванова. Как представляется, наиболее интересным был использованный им метод сопоставления текстов Жития Иосифа и похвальных слов Зосиме и Савватию, который в некоторых случаях довольно убедительно свидетельствует о текстологической близости памятников [Иванов, с. 184]. В этой связи можно указать еще на один момент, который может говорить о близости, правда, не самих текстов, а некоторых мотивов в обоих сочинениях.

В свое время Н. А. Казакова весьма подробно проанализировала «крестьянский» мотив в анонимном Житии волоцкого игумена. Внимание исследовательницы привлек рассказ агиографа о благотворном влиянии настоятеля Волоколамского монастыря на окрестное население: «Глаголаше бо господиям селом, да будут блази тяжарем своим». Интересны те доводы, которые автор вкладывает в уста Иосифа Волоцкого для обоснования такого отношения к крестьянам: «Елма унужайя тяжаря дела дому своего и насилуя в стяжании его, вскоре обубождает тяжаря своего. Тому же обнищавшу, како подаст самому ему плоды нив? <...> Послабляя же земодельнику възделает целизны своя, и утяжит нивы, и въсприемлет присно плоды своя»¹¹. Наблюдения над отрывком позволили Н. А. Казаковой прийти к убедительному выводу, что «та постановка вопроса, которая имеет место в “Житии” Иосифа, принадлежит автору “Жития”, неизвестному писателю середины XVI в.», а отнюдь не волоцкому игумену. Обратившись к соответствующим сочинениям последнего, исследовательница отметила, что «призыв к милосердию по отношению к рабам обосновывается у Иосифа авторитетом божественного писания..., и в этом отношении он выступает как продолжатель церковной учительной литературы» [Казакова, с. 243–244].

Схожий мотив о «тяжарях» можно обнаружить в Похвальном слове Савватию Соловецкому, правда, в совершенно ином контексте. Агиограф сравнивает духовные подвиги монахов с трудами «тяжарей», причем последние описывает весьма подробно: «Зрим бо и тяжарей не прежесеюща семене, преже даже изрежет землю, и к сим умягчает, таже и тутны свальшаяся персти разбивает, и уравнивает дрязги, на то устроеными; и тогда убо сеет, егда может земля семена прияти... Аще же тяжарь едино поле отъреченных оставит разленився, или не изрежет, или не разбьет, погубляет семя, и вотще труд его бывает»¹². Особый мотив, связанный с трудом «тяжарей», который явно прослеживается и в Житии Иосифа, и в Похвальном слове Савватию, вполне может быть истолкован как дополнительный довод в пользу принадлежности этих произведений перу одного автора, в котором, разумеется, не без оговорок, можно видеть Аникиту Льва Филолога.

Гипотеза об авторстве Филолога в отношении Жития Иосифа Волоцкого, впрочем, требует рассмотрения вопроса о датировке памятника, ведь, как было показано выше, критические построения Р. П. Дмитриевой во многом основаны на выявленных ею хронологических нестыковках. В самом тексте, правда, сложно обнаружить какие-либо указания на время его создания, но все же по некоторым признакам вполне можно установить если не абсолютную, то относительную датировку памятника.

¹¹ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. С. 22.

¹² Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии (далее — ПС). 1859. Часть третья. С. 116.

Для этого нужно обратить внимание на то, откуда агиограф черпал известия о жизни волоцкого игумена при работе над Житием. В тексте упоминается «мних некто, тамо в обители множайшая лета проводив, от иже на селех тяжарь в мире бе» по имени Селифонт. Повествование о Селифонте связано с чудом, которыми вообще небогаты агиобиографии волоцкого игумена: старец Селифонт, согласно Житию, был свидетелем посмертного явления Иосифа Волоцкого и инока Арсения Голенина. «Сиа сам той Селифонт глаголаше», — указывает агиограф, очевидно, слышавший эту историю от ее рассказчика. Вместе с тем в минейном Житии Иосифа его автором Саввой Черным упомянут «некий инок от простыя чяди, именем Висарион; и видяше его братаи внешнюю простоту, нарекоша его Селифоном»¹³. А. А. Зимин не без основания считал Селифонта, о котором рассказал Филолог, и Селифона из повествования Саввы Черного одним и тем же лицом [Зимин, с. 119, примеч. 91]¹⁴, об этом говорит не только имя, но и происхождение старца, о котором упоминают оба агиографа. Кроме того, и рассказ о Селифоне в минейном Житии связан с чудом: во время выноса плащаницы на заутрени в Великую субботу старец Селифонт сподобился видеть белого голубя «над главою отца Иосифа». Но относительно вопроса датировки Филологова Жития куда интереснее сообщение Саввы Черного о смерти старца Селифона¹⁵, ведь в предисловии к минейному Житию Савва сообщает, что «никтоже изъяви о нем (об Иосифе Волоцком. — А. К.) и 30 лет по преставлении его»¹⁶, то есть начало работы над минейным Житием нужно отнести к сентябрю 1545 г. К этому моменту старца Селифона, очевидно, уже не было в живых, поэтому его встреча с Львом Аникитой Филологом случилась раньше этой даты; вполне возможно, что и Житие Иосифа Волоцкого было составлено сербским агиографом раньше того момента, как к своей работе приступил Савва Черный. В этом случае слова последнего о том, что за тридцать лет «никтоже изъяви» об Иосифе Волоцком, — не более чем агиографический прием.

Уточнение времени создания Филологом Жития связано с обращением к датировке составления им похвальных слов соловецким преподобным. Памятники могут быть довольно точно датированы благодаря упоминанию в Похвальном слове Зосиме событий, произошедших «в последнее же лето наконец владычества иже царствия тезоименитого, иже и рождение от княжеския и царския крове смешение имевшаго..., в начало же владычества юнаго, иже благодати тезоименитаго, и матере его Елены благочестивою владыку Руси, в епископство архиерея, иже блаженству тезоименитаго»¹⁷. Н. И. Субботин справедливо увидел в упомянутых лицах скончавшегося великого князя Василия III, малолетнего наследника Ивана Васильевича и его мать Елену Глинскую, а в архиерее — новгородского архиепископа Макария. На основании этого исследователь датировал составление похвальных слов временем «между 1534 годом (когда скончался великий князь Василий Иоаннович) и 1542 г. (год возведения Макария в сан митрополита)» [Субботин, с. 537–538]. Р. П. Дмитриева, сославшись на то, что агиограф «говорит о малолетстве Ивана IV, после смерти отца, и о матери его Елене Глинской как о здравствующей, а умерла она в 1538 г.», сузила временные рамки составления похвальных слов до 1534–1538 г. [Дмитриева, с. 65].

И все же в этих датировках оказалось упущено нечто важное, что позволяет несколько по-иному взглянуть на проблему, а именно — те события, о которых Филолог сообщает в контексте

¹³ Великие Миней Чети (далее — ВМЧ). Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 468.

¹⁴ Ср.: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОЛДП. Кн. 2. С. 132. Примеч. 385.

¹⁵ Этот сюжет также связан с чудом, с прозорливостью старца относительно дня собственной кончины: «Егда же сам вапе в немощь, и повеле на себя камень подписати и на своем гробе положить того месяца в девятое число; и положив на себя святую схиму и причастився Божественных таин, в девятое число того месяца отиде ко Господу» (см.: ВМЧ. Сентябрь. Дни 1–13. Стб. 468–469).

¹⁶ ВМЧ. Сентябрь. Дни 1–13. Стб. 453.

¹⁷ ПС. Часть вторая. С. 351–352.

данного отрывка. По словам агиографа, тогда «единодушно вси живушиа неразумнии людие к просвещению притекоша, и вси бывша овчата Христова, иже преже дивии звери. Прогнаша бося нечисти бесове от них, разсыпашася чародейства, и все бесовское мечтание изчезе; водрузишася церкви во имя Господне, возградишася жертвенницы несквернии, чистотнии же паче, и освятишася Богови, тщанием и подвигом блаженству тезоименитого архиерея»¹⁸.

Речь здесь, очевидно, идет о событиях, напрямую связанных с посланием архиепископа Макария в Водскую пятину от 25 марта 1534 г. В послании говорится, что в тех «местех многие христиане... заблудили от истинныа христианския православныа веры, о церкви, деи, Божии и о церковном правиле не брегут, к церквам к божественному пению не ходят, а молятся, деи, по скверным своим мольбищам древесом и камению, по действию диаволу». Для искоренения нечестивых обычаев архиепископ направлял в Водскую пятину священника Илью, «а с тем священником с Ильею... детей боярских Васюка Палицина да Ивашка Ошманаева» с поручением «те скверныа мольбища... разоряти и огнем жещи»¹⁹. Таким образом, агиограф сообщает о событиях, которые произошли в 7042 г. (то есть в промежуток между сентябрем 1533 и августом 1534 г.) и о которых он, вероятно, узнал непосредственно от пришедшего к нему соловецкого монаха Богдана, рассказавшего агиографу о том, что случилось в Московском государстве накануне начала его путешествия. В этом случае можно датировать составление похвальных слов временем позже сентября 1534 г.²⁰ А поскольку в середине 1530-х годов Аникита Лев Филолог, будучи уже в преклонных годах, жил вне пределов Московского государства, резонно предположить, что его встреча с волоцким старцем Селифоном произошла либо ранее этой даты, когда сербский агиограф предположительно был в России, либо позже, но тогда надо допустить, что Селифон предпринял то же самое путешествие, какое совершил Богдан. Впрочем, второй вариант кажется менее вероятным: наблюдения А. И. Плигузова над текстами посланий волоцкого игумена привели к заключению, что «в последние годы жизни Иосиф был посещен немощью — он не вставал с одра уже в первой половине 1508 г.» [Плигузов, с. 77, примеч. 55]. Поэтому описанное Саввой Черным чудо о голубе едва ли могло произойти позже этой даты, ибо агиограф однозначно указывает, что Селифон узрел голубя над головой Иосифа, когда тот возглавлял богослужение. Очевидно, уже тогда Селифон был довольно опытным монахом, коль скоро сподобился чудесного видения. По-видимому, ко второй половине 1530-х годов старец Селифон вполне мог быть в весьма преклонном возрасте, чтобы решиться на столь дальнее путешествие. Вместе с тем более внимательный взгляд на источники позволяет высказать некоторые соображения относительно старца Селифона.

Для этого обратим внимание на контекст, в который помещены известия об этом старце в Житии Иосифа, написанном «неизвестным»: его имя названо среди наиболее близких волоцкому игумену постриженников, таких как Арсений Голенин, Иона Голова, Дионисий Звенигородский,

¹⁸ Там же. С. 352.

¹⁹ Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. I. С. 27–28. № 28. Ср.: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 73–74. С. В. Минеева полагает, что упоминание «архиерея, иже блаженству тезоименитаго» относится не к архиепископу Макарию, а к митрополиту Даниилу и, соответственно, все последующие указания агиографа в рамках приведенного отрывка из Похвального слова Зосиме Соловецкому также следует отнести к деятельности Даниила. Такое отождествление становится весомым аргументом исследовательницы в пользу того, чтобы рассматривать «автора Похвальных Слов как одного из сторонников иосифлянского направления» [Минеева, с. 194–196]. Очевидно, что для такого рода заключений нет никаких оснований: «тезоименитым блаженству» является именно Макарий, имя которого переводится с греческого как «блаженный», а отнюдь не Даниил.

²⁰ Ю. К. Бегунов, отметив факт, что Похвальное слово преподобному Зосиме, память которого совершается 17 апреля, также посвящено и празднику Пасхи («В нас ныне праздник, пасха бо Господня, пасха наша за ны жрен бысть Христос» (см.: ПС. Часть вторая. С. 230)), предположил, что Слово могло быть написано в 1536 г., когда Пасха приходилась на 16 апреля [Бегунов, с. 274, примеч. 12]. Похвальное слово Савватию Соловецкому, по-видимому, было составлено несколько позже, во всяком случае, в Похвальном слове Зосиме агиограф указывает, что «о преподобнем отце нашем Савватии слово да пождет ныне, отдаст жеся в того подвиг натрижнення день» (ПС. Часть вторая. С. 347).

Герасим Черный, Кассиан Босой²¹. С другой стороны, к «братиям болшим», которым Иосиф Волоцкий доверял управление монастырем, отнесены в его послании к великому князю «старец Касиан, Иона Голова, Арсений Голенин, Калист бывшей игумен, Гурей бывшей келарь, Геронтей Рокитин, Геласей Суколенов, Варлам Старой, Селиван келарь, Тихон Ленков»²². Большинство имен старцев, о которых рассказано в Филологовом Житии, упоминаются и в послании, за исключением Дионисия Звенигородского и Герасима Черного, которые, вероятно, на момент составления послания жили вне монастыря²³. Но нельзя исключить возможности, что Селифон, речь о котором идет в Житии, и келарь Селиван в послании суть одно и то же лицо. В контексте упоминания Саввой Черным в минейном Житии инока Селифона Ф. Б. Успенский замечает, что «Селифан — гиперкорректная форма имени Селиван; в свою очередь Селиван представляет собой просторечную форму имени Силуан» [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., с. 174–175]²⁴.

О возможности контактов Аникиты Льва Филолога с информатором, непосредственно связанным с хозяйственными, точнее, поземельными вопросами Иосифо-Волоцкого монастыря, говорят два весьма выразительных момента в Житии. Во-первых, рассказывая о примирении князя Федора Борисовича Волоцкого с игуменом Иосифом и братией, агиограф упоминает, что удельный князь «лепшайшее село свое по себе манастырю приписа, его же самодержец сребром манастырю замени, село же к своим селом приписа»²⁵. «Около 1513 г., — замечает в этой связи А. А. Зимин, — было отписано на великого князя село Буйгород, завещанное в монастырь князем Федором Борисовичем. Вместо него Василий III дал в монастырь 300 рублей. На эти деньги старцы купили с. Ивановское около 1515–1522 гг.» [Зимин, с. 126, примеч. 127]²⁶.

Во-вторых, в тексте Жития, написанного «неизвестным», рассказывается о связях Волоцкого монастыря с удельным дмитровским князем Юрием Ивановичем, братом Василия III. «Елика же села в области его манастыря Иосифова, вся дани манастырю подаде, и суд жителей сел их манастырю устрои, и своим властелем судити земоделца не повеле, и от всех оброк своих вся облегчи», — сообщает агиограф²⁷. В Житии говорится лишь об иммунитетных привилегиях, пожалованных удельным князем, и совсем не упоминаются земельные вклады, даже такие крупные, как село Белково, данное в монастырь за успешное посредничество волоцких старцев, примиривших князя Юрия Ивановича с его старшим братом²⁸. С. М. Каштанов, подробно рассмотревший историю взаимоотношений Волоцкого монастыря и Юрия Ивановича в связи с предоставлением иммунитетных льгот, отметил, что наиболее щедрые пожалования были сделаны дмитровским князем в 1510 г., когда переданные монастырю села Белково и Стан освобождались «от всех податей за ежегодный оброк в размере рубля. Судебный иммунитет ограничивался лишь в делах, связанных с душегубством». Столь же обильные льготы были предоставлены дмитровским князем только в конце 1529 г., когда «Юрий Иванович выдал жалованную грамоту Иосифо-Волоколамскому монастырю... на всю монастырскую вотчину в Рузском уезде. Эта грамота фактически повторила и еще более усилила содержание... тарханно-оброчной, несудимой и заповедной грамоты 1510 г.» [Каштанов, с. 26, 28–29].

²¹ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. С. 26–31.

²² ВМЧ. Сентябрь. Дни 1–13. Стб. 489.

²³ Выше упоминалось, что старец Дионисий отправился в скит к Нилу Сорскому; Герасим же Черный, по свидетельству агиографа, «последи вне обители отшельнически живяше, внимая молитве своей и зело прилежа рукоделию» (см.: Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. С. 31).

²⁴ Сердечно благодарю Федора Борисовича Успенского, указавшего мне на данный пассаж в своей книге.

²⁵ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. С. 43.

²⁶ Ср.: ДДГ. № 98. С. 408; Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1906. Выпуск пятый. Приложения. С. 15. № 8.

²⁷ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. С. 43.

²⁸ О тех событиях довольно подробно распространяется Савва Черный в минейном Житии; упоминает он и том, что князь Юрий Дмитровский «монастырю Пречистые даде в наследие благ вечных село, рекомо Белково» (см.: ВМЧ. Сентябрь. Дни 1–13. Стб. 485–488).

Судя по свидетельству агиографа, скорее всего, речь в Житии может идти о пожалованиях конца 20-х годов XVI в. В этом случае составление текста Жития можно отнести к 30-м годам XVI в. Упоминания в актах Иосифо-Волоцкого монастыря келаря Селивана относятся к 10-м — середине 20-х годов XVI в.²⁹, так что он вполне мог быть информатором Аникиты Льва Филолога в конце 20-х — начале 30-х годов. Поэтому самым поздним сроком составления Иосифова Жития Аникитой Львом Филологом вполне можно считать начало 30-х годов XVI в., разумеется, при условии, что Селифон, упомянутый в тексте, и келарь Селиван — одно и то же лицо.

С другой стороны, отметим, что в купчей Волоцкого монастыря, датированной 1517—1518 г., упоминается некий инок Селифон³⁰, вероятно, также имевший отношение к хозяйственной деятельности обители. Нельзя исключить возможности, что именно он, а не келарь Селиван рассказывал агиографу о подвигах преподобного Иосифа и его монастыре. Думается, такое отождествление едва ли может сильно повлиять на предложенную выше датировку Жития. Но в любом случае, надо допустить, что в самом начале 1530-х годов Аникита Лев Филолог находился в пределах Московского государства. Наблюдения А. А. Турилова над русско-сербскими контактами конца XV — первой половины XVI столетия и сделанный на основе этих наблюдений вывод о том, что «к 1520-м гг. сербский монах (прежде всего приехавший с Афона) уже не представлял в Москве ничего необычного» [Турилов, с. 96—97], делают вероятным пребывание Филолога в Московской Руси в указанный период.

Таким образом, пусть в значительной степени гипотетически, но все же можно утверждать, что анонимное Житие Иосифа Волоцкого могло принадлежать перу сербского агиографа Аникиты Льва Филолога. Сопоставление текстов похвальных слов на память Зосимы и Савватия Соловецких и Жития Иосифа Волоцкого в работе С. В. Иванова, равно как и мотив о «тяжарях» в Житии Иосифа и Похвальном слове Савватию, вполне могут указывать именно на авторство сербского агиографа. Проблема датировки может быть решена также на основе косвенных указаний, во всяком случае, упоминание старца Селифона в текстах агиобиографий Иосифа Волоцкого позволяет предположить, что Житие, написанное «неизвестным», создавалось прежде минейного Жития. Попытки более точно определить датировку сочинения Аникиты Льва Филолога позволяют заключить, что оно могло быть написано не позже начала 1530-х годов.

Литература

- Бегунов Ю. К. Три описания весны (Григорий Назианзин, Кирилл Туровский, Лев Аникита Филолог) // Сборник историје језика и књижевности. Београд, 1976. Књига 10. С. 269—281.
- Дмитриева Р. П. К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 64—68.
- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977.
- Иванов С. Кто был автором анонимного Жития преп. Иосифа Волоцкого? // Богословский вестник. 1915. Т. 3, сентябрь. С. 173—190.
- Казакова Н. А. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1959. Т. 14. С. 241—246.
- Капитанов С. М. Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе, 1504—1533 гг. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 25—29.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринт: М., 1989).

²⁹ АФЗХ. Ч. II. № 68. С. 67; № 78. С. 75; № 81. С. 79; № 83. С. 81; № 96. С. 91.

³⁰ Там же. № 81. С. 79.

- Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.
- Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. I.
- Морозова Л. Е.* Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990.
- Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
- Субботин Н. И.* Сведения о Филологе черноризце, проповеднике XVI века // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1859. Ч. 18. С. 522–547.
- Турилов А. А.* Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV–XVI вв. // Москва – Сербия, Белград – Россия: Сборник документов и материалов. Белград; М., 2009. Т. 1: Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. С. 78–115.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017.

